

ВАЛЕРИЙ
БРЮСОВ

Моисей

В.Брюсов Моцарт //Эксмо, Москва, 2008

ISBN: 978-5-699-26322-6

FB2: "Chernov2 " <chernov@orel.ru >, 25 November 2008, version 1.0

UUID: f4b89e65-0a80-102c-96f3-af3a14b75ca4

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Яковлевич Брюсов

Элули, сын Элули
(Проза Валерия Брюсова)

Рассказ о древнем финикийце .

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0013
III.....	.0018
IV.....	.0022

Валерий Яковлевич Брюсов
Элули, сын Элули
Рассказ о древнем
финикийце

Молодой ученый Дютрейль, уже обративший на себя внимание трудами по вопросу о головных уборах у карфагенян, и его бывший учитель, ныне – друг, член-корреспондент академии надписей, Бувери работали над раскопками на западном берегу Африки, в области французского Конго, южнее Майамбы. То была маленькая экспедиция, снаряженная на частные средства, в которой участвовало первоначально человек восемь. Однако большинство участников, не выдержав убийственного климата, уехало под тем или другим предлогом. Остались только Дютрейль, юношеский энтузиазм которого преодолевал все трудности, да старик Бувери, всю жизнь мечтавший принять участие в важных раскопках по своей специальности и в старости достигший этой цели, благодаря покровительству своего молодого друга. Раскопки были чрезвычайно интересны: никто до сих пор не полагал, что финикийские колонии распространялись так далеко на юг по западному берегу Африки, переходя за экватор.

Каждый день работы обогащал науку и открывал новые перспективы на положение Финикии и ее торговые сношения в IX веке до Р. Х.

Работа, однако, была крайне тяжелой. Из всех европейцев с Дютрейлем и Бувери остался лишь их слуга Виктор, а все рабочие были местные негры из племени бавилей. Правда, было решено, что на смену уехавшим придут другие археологи и привезут с собой как рабочих-французов, так и новый запас необходимых инструментов, оружия и съестных припасов, а также письма, книги и газеты, которых Дютрейль и Бувери были давно лишены. Но день проходил за днем, а желанный пароход не являлся. Консервов становилось все меньше; пропитываться приходилось охотой, и Дютрейля особенно тревожило истощение запаса патронов: в случае возмущения туземцев, которые уже становились непокорны и угрюмы, это могло грозить большой опасностью. Кроме того, жестоко страдали французы от климата и нестерпимого зноя, который доходил до того, что днем нельзя было прикоснуться к камню, не обжи-

гая руки. Наконец, угрожала смелым археологам местная злокачественная лихорадка, которой уже подверглось в свое время несколько человек из числа уехавших членов экспедиции.

Дютрейль превозмогал все. Изю дня в день питался он мясом морских птиц, отзывавшимся рыбой, и пил тепловатую воду из ближнего источника, но держал в повиновении буйную толпу негров-рабочих и сам работал наравне с ними, да еще находил время по ночам составлять записки и подробный инвентарь добытым археологическим сокровищам. В маленькой хижине, построенной под защитой скалы, уже скопился целый музей изумительных вещей, пролежавших почти три тысячелетия в земле и теперь возвращенных миру, чтобы вскоре произвести целый переворот в финикологии. Напротив, Бувери, хотя ему всей душой хотелось не отставать от своего молодого друга, явно слабел. Старику труднее было бороться с лишениями и невзгодами. Не раз во время работ у него прямо падали из рук лопата или ружье, и он сам почти в беспомощности опускался на землю. К

тому же начались у Бувери приступы местной лихорадки. Дютрейль лечил его хиной и другими средствами, бывшими в походной аптечке, но силы старика все убывали: его щеки ввалились, глаза стали гореть нездоровым блеском, по ночам его мучили припадки сухого кашля, озноба, жара и бреда.

Дютрейль давно решил, что заставит своего друга, как только прибудет пароход, вернуться в Европу, но долгое время боялся заговорить об этом. Дютрейлю казалось, что старик непременно откажется – предпочтет, как ученый, умереть на своем посту, тем более что в последние дни часто заговаривал о смерти. Однако, к удивлению Дютрейля, Бувери сам завел речь об отъезде, сказав, что, по видимому, им придется расстаться, что как ни горько ему покидать начатое дело, но болезнь принуждает его уехать, чтобы умереть в родной Франции. В глубине души Дютрейль был почти оскорблен последним замечанием старика, который суеверное желание – быть на родине в минуту смерти – мог предпочесть высокому интересу научных изысканий; но, объяснив это болезненным состоянием Буве-

ри, одобрил, конечно, решение друга и сказал все, что в таких случаях полагается: что лихорадка не так опасна, что она пройдет с переменой климата, что они еще много будут работать вместе и т. п.

Дня через два Бувери еще более изумил своего друга. В тот день раскопки натолкнулись на новую богатую усыпальницу. Дютрейль был в восторге от такого открытия, не мог ни говорить, ни думать ни о чем другом. Но Бувери вечером позвал своего бывшего ученика к себе, в свою половину хижины, и просил подписать духовное завещание.

– Я очень виноват, – сказал Бувери, – что не сделал этого раньше, но все было некогда. Всю жизнь я был занят только наукой, и о своих делах у меня не было времени подумать. Так как мне становится все хуже и, может быть, я не выберусь отсюда, надо мне оформить свою последнюю волю. Нас, европейцев, здесь только трое; но вас и Виктора довольно, чтобы засвидетельствовать завещание.

Чтобы не волновать старика, Дютрейль согласился. Завещание было самое обыкновен-

ное. Бувери назначал небольшие деньги, которыми располагал, своей племяннице, так как не был женат и других родственников у него не было. Маленькие суммы отказывал старик своей старой служанке, домовладельцу, в доме которого прожил 40 лет, и разным другим лицам. Свои коллекции финикийских и карфагенских древностей, собранные за долгую жизнь, старый ученый завещал Лувру, а отдельные вещицы – друзьям, в том числе и Дютрейлю.

Дойдя, наконец, до последнего пункта завещания, Бувери, волнуясь, сказал:

– Этого, собственно говоря, и не следовало включать в завещание. Это просто – моя просьба к вам лично, Дютрейль. Но все же выслушайте.

Просьба состояла в том, чтобы после смерти Бувери перевезти его тело во Францию и похоронить в родном городе, рядом с могилой его матери. Читая этот последний пункт завещания, старик не мог удержаться от слез. Прерывающимся голосом он начал умолять во что бы то ни стало исполнить его просьбу.

Дютрейль сделал над собой усилие, чтобы

не рассердиться, и ответил сколько мог мягче и ласковее:

– Черт возьми, дорогой друг! Ведь я решительно не признаю, чтобы вы были так больны, как думаете. Если я согласился подписать ваше завещание, то, во-первых, чтобы сделать вам приятное, а во-вторых, потому, что привести в порядок свои дела никогда не лишнее. Но так как я твердо уверен, что вы поправитесь и сами будете потом смеяться над своей мнительностью, то и позволю себе сделать вам некоторые возражения.

Со всей осторожностью Дютрейль указал Бувери, что его просьба вряд ли исполнима: под руками не было ни средств, чтобы набальзамировать тело, ни герметически закрывающегося гроба. Да и чем, наконец, хуже лежать после смерти под африканскими пальмами, рядом с гробницами великого прошлого, чем на каком-то провинциальном французском кладбище! Единственное, что можно в таких обстоятельствах обещать кому бы то ни было, это – похоронить тело первоначально здесь, в Африке, а потом перевезти его во Францию, хотя и это затруднительно,

хлопотно, а главное – бесполезно.

– Этого-то я и боялся! – с отчаянием воскликнул старик, – боялся, что именно так вы мне ответите. Но я умоляю, я заклинаю вас исполнить мою просьбу, чего бы это вам ни стоило, хотя бы... хотя бы пришлось для того временно бросить раскопки!

Бувери убеждал, упрашивал, плакал. В конце концов, чтобы успокоить старика, Дютрейль должен был согласиться, дать ему честное слово и даже клятву. Завещание было подписано.

На другой день, еще до восхода солнца, работы возобновились. Приступили к раскопкам той роскошной усыпальницы, на которую натолкнулись накануне. По-видимому, финикийское поселение оказывалось гораздо более значительным, чем полагали раньше. По крайней мере, раскапываемая усыпальница явно принадлежала семье богатой и сильной, несколько поколений которой не только провело всю жизнь под негостеприимным небом экваториальной Африки, но здесь же приготовило себе и место вечного упокоения. Гробница была сложена из массивных глыб камня и украшена барельефами. Дютрейль неутомимо распоряжался работами и часто сам брал заступ в руки.

С большим трудом удалось открыть вход в гробницу: огромную железную дверь, которую, несмотря на 28 столетий, прошедших с тех пор, как ее заперли, пришлось осторожно ломать ломami. Пробив, наконец, себе проход и дав свежему воздуху проникнуть в глубь гробницы, Дютрейль и Бувери с факелами в

руках сами вошли туда. Картина, представившаяся их взорам, могла свести с ума археологов. Усыпальница оказалась совершенно нетронутой. Посредине возвышались каменные гроба на каменных же подставках в форме фантастических чудовищ, а кругом было расставлено множество предметов домашнего обихода, характерные двурогие лампочки, военные снаряды, фигурки богов и другие вещи, назначение которых трудно было определить сразу.

Но самое поразительное было то, что внутренние стены гробницы почти сплошь были покрыты живописью и надписями. От притока свежего воздуха цвета картин, как то бывает всегда, быстро потускнели, но надписи, выписанные каким-то черным составом и даже на некоторую глубину врезанные в камень, казались только вчера сделанными. Это особенно восхищало Дютрейля, так как финикийских надписей до сих пор известно очень немного. Он уже мечтал, что здесь могут обнаружиться совершенно новые исторические данные – известия, например, о сношениях Финикии с Атлантидой, о чем племянник

Шлиммана прочитал в финикийской надписи на сосуде, найденном в Сирии.

Несмотря на палящий зной, Дютрейль озаботился перенести все найденные вещи в музей и не успокоился, пока последняя двурогая лампочка не была помещена в надежное место. После того, тщательно заперев вход в гробницу, молодой ученый прилег отдохнуть, но, едва жар начал чуть-чуть спадать, был уже вновь за работой. Он занялся списыванием и разбором надписей – дело, которое, при всем его великолепном знании языка, было весьма сложным. До вечера Дютрейлю удалось списать лишь незначительную часть надписей и еще меньшее число, хотя бы приблизительно, дешифровать. Ночью, сидя в своей хижине, при скудном свете лампы, Дютрейль делился своими открытиями с Бувери и просил его помощи в толковании разных трудных выражений. Ряд надписей был явно простой генеалогией, восходящей до 10 и 12 колена. Но одна содержала заклинание против нарушителей могильного покоя. Вот как, приблизительно, толковал ее Дютрейль:

Именем Астарты, нисходившей во Ад, да будет мир погребенному мне, Элули, сыну Элули. Да лежу я здесь тысячу лет и еще вечность. Родных и близких, соотечественников и чужеземцев, друга и врага заклинаю я: да не коснешься ни праха моего, ни золота моего, ни вещей, данных мне. Если люди будут склонять тебя, не слушай их. Ты же, дерзкий, читающий эти слова, которые ни один человеческий глаз не должен бы уже видеть, да будешь проклят и на земле, и в недрах ее, где не едят и не пьют. Да не получишь места упокоения у Рефаимов, да не будешь погребен в гробнице, да не имеешь ни сына, ни потомства. Да не будет тебе солнце теплым, да не держит тебя дерево на воде, да не отойдет от тебя ни на час демон мучительства, безобразный, беспощадный, не знающий слабости.

Надпись еще продолжалась, но конец ее был непонятен. Бувери выслушал перевод надписи в глубоком молчании и не захотел принять участия в дешифровке ее окончания. Сославшись на нездоровье, он удалился на

свою половину за дощатую перегородку. Но Дютрейль еще долго просидел над своими записками, справляясь с привезенными книгами, думая над каждым выражением и стараясь понять все изгибы мысли писавшего.

Поздно ночью, когда Дютрейль уже спал в сном глубоко утомленного человека, его вдруг разбудил Бувери. Старик зажег свечу и при ее свете казался еще бледнее, чем обыкновенно. Волоса его были всклокочены, весь вид обличал крайнюю степень ужаса.

– Что с вами, Бувери? – спросил Дютрейль. – Вы нездоровы?

Как ни трудно было бороться со сном, Дютрейль сделал над собой усилие, помня, что его старый друг тяжело болен. Но Бувери, не отвечая на вопрос, сам спросил задыхающимся голосом:

– Вы тоже его видели?

– Кого я мог видеть? – возразил Дютрейль. – Я так устаю за день, что сплю без снов.

– Это не был сон, – печально проговорил Бувери, – и я видел, как от меня он прошел к вам.

– Кто?

– Тот финикиец, могилу которого мы раскопали.

– Вы бредите, милый Бувери, – сказал Дютрейль, – у вас жар, я сейчас приготовлю для вас прием лекарства.

– Я не брежу, – упрямо возразил старик, – я хорошо рассмотрел этого человека. Он был бритый, без бороды, но лицо в морщинах, одет, как воин; он стал у моей постели, посмотрел на меня грозно и сказал...

– Пойдите, – прервал Дютрейль, стараясь вернуть друга к рассудительности, – на каком же языке он с вами заговорил?

– По-финикийски. Не знаю, может быть, в другое время я и не понял бы финикийской речи, но в ту минуту понимал все, от слова до слова.

– Что же вам сказало привидение?

– Он мне сказал: «Я – Элули, сын Элули, тот, чей мирный покой вы, чужеземцы, нарушили, не побоясь заклęcia. За то я отомщу тебе, моя участь постигнет и тебя. И твой прах не успокоится в родной земле, но станет добычей шакалов и гиен. И я буду мучить тебя во сне и наяву, всю твою жизнь и после жизни, и до скончания веков». Это он сказал и ушел к вам, и я думал, что вы тоже его видели.

Дютрейль не сомневался, что с его другом – болезненный припадок, легко объяснимый влиянием зноя, постоянными мыслями о смерти и волнением после их замечательного открытия. Желая образумить старика, Дютрейль не стал ему напоминать, что привидения – обман зрения, но постарался объяснить всю неправдоподобность данного видения.

– Мы раскопали, – говорил Дютрейль, – могилу не для того, чтобы оскорбить лежащий там прах или чтобы поживиться собранным там добром, но из бескорыстных научных целей. Элули, сыну Элули, нет причин на нас гневаться. Наука воскрешает прошлое, и мы, восстанавливая финикийскую древность, тем самым воскрешаем и этого Элули. Старый финикиец скорее должен быть благодарен нам за то, что мы вызываем его из забвения: кто без нас, в наши дни, знал бы, что за тысячу лет до Рождества Христова жил в Африке некий Элули, сын Элули?

Дютрейль говорил со стариком, как с больным ребенком. Сначала Бувери не слушал никаких доводов и требовал явно невозможно-

го: чтобы все вещи были немедленно отнесены обратно в гробницу и сама она опять засыпана. Понемногу, однако, стал уступать и согласился отложить решение вопроса до утра. После того Дютрейль собственноручно уложил старика в постель, закутал одеялами, так как у него начался озноб, и сидел около, пока больной не уснул тяжелым, беспокойным сном. «Как разрушительно действует болезнь даже на самые ясные умы!» – грустно думал Дютрейль.

IV

На другой день диалектика и очевидность доводов Дютрейля одержали верх, Бувери согласился, что его видение было лихорадочным бредом. Согласился и с тем, что вновь засыпать раскопанную гробницу было бы преступлением перед наукой и человечеством. Работы продолжались с прежним усердием. И в усыпальнице Элули, и в соседних могилах было найдено еще много драгоценных для историка предметов. Друзья ждали только прихода парохода с необходимыми инструментами и рабочими-европейцами, чтобы приступить к раскопкам города.

Однако здоровье Бувери не поправлялось. Лихорадка не оставляла его; по ночам он часто кричал и вскакивал в безумном ужасе. Однажды старик признался, что опять видел перед собой финикийца Элули. Дютрейль счел полезным вышутить своего друга, и Бувери более не заговаривал о своих видениях. Но все же он таял с каждым днем и даже стал проявлять признаки психического расстройства: боялся темноты и ночи, не хотел вхо-

дить в музей, а потом и вовсе устранился от раскопок. Дютрейль покачивал головой и все с большим нетерпением ждал прибытия парохода, надеясь, что морское путешествие и возвращение во Францию принесет старику пользу.

Но друзья не дождались парохода. Когда он, наконец, прибыл, на месте маленького поселка, устроенного членами экспедиции, не было ничего, кроме груды пепла и обгорелых досок. Было явно, что негры-рабочие взбунтовались, убили европейцев и разграбили их имущество, унеся и вещи из устроенного ими музея. Великие открытия, сделанные Дютрейлем и Бувери, которые мечтали обогатить феникологию, погибли для человечества.